

Трибуна молодого ученого

УДК 347.637:343.275.6(470+571)+343.62

DOI: 10.26456/vtpravo/2026.1.227

Концептуальный анализ оснований лишения родительских прав: от множественности оснований к единому критерию неисполнения обязанностей

Р.К. Беляев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проводится анализ правовой природы оснований лишения родительских прав, закрепленных в Семейном кодексе РФ. Автор ставит под сомнение традиционный догматический подход, предполагающий автономность каждого из оснований, и обосновывает концепцию «единого материального основания». В ходе исследования доказывается, что такие составы, как злостное уклонение от уплаты алиментов, жестокое обращение с детьми и хронический алкоголизм родителя, являются не самостоятельными юридическими фактами, а различными формами проявления виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей.

***Ключевые слова:** лишение родительских прав, государство, защита прав несовершеннолетних, родительские права, интересы ребенка.*

Тема лишения родительских прав является одной из основных в семейном праве. Она требует постоянного научного анализа и переоценки традиционных методов толкования с учетом требований конституционного и международного права, в частности Конституции РФ и Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН. В соответствии с положениями ст. 38 Конституции РФ государство гарантирует защиту материнства, детства и семьи, вследствие чего любое вмешательство в семейную автономию требует от правоприменительных органов повышенной ответственности [1].

В современной юридической науке и правоприменительной практике перечень оснований для применения такой крайней меры, как лишение родительских прав, закреплен в ст. 69 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [3]. О.Ю. Ильина и Л.В. Туманова в своей работе отмечали, что, «как и любая норма права, ст. 69 СК РФ называет только самый общий перечень оснований для лишения родительских прав» [9]. Часто данный перечень воспринимается как аксиома – исчерпывающий и логически заверченный список, не подлежащий сомнению. Однако суть исследования заключается в переосмыслении устоявшейся точки зрения. Многие полагают, что разнообразие оснований, закрепленных в указанной норме СК РФ, не более чем формальность. На самом деле за всеми этими разными формулировками скрывается одно и то же:

недобросовестные родители, которые сознательно не выполняют или ненадлежащим образом выполняют свои обязанности, возложенные на них в соответствии со статусом родителя [8].

Актуальность данного подхода в исследовании обусловлена тем, что необходимо повышение эффективности защиты прав детей и их законных интересов, а современные реалии, сложившиеся в правовой науке и практике, заключаются в том, что правовая неопределенность и размытость критериев определения оснований лишения родительских прав затрудняют работу судов, а приоритет интересов ребенка, который закреплен в ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка [2], может находиться под угрозой. Повышение эффективности необходимо для быстрого, безотлагательного и своевременного ответа на проблемы, возникающие в современном обществе, которые могут представлять собой риск для благополучия ребенка и его интересов.

В российском праве основания лишения родительских прав рассматриваются как автономные юридические факты. Именно на это в своих трудах неоднократно указывали А.М. Нечаева и Л.М. Пчелинцева. Авторы отмечали, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности [8, 10].

Законодатель предлагает перечень из шести пунктов, включающий в себя: уклонение от выполнения обязанностей родителя; отказ без уважительной причины взять своего ребенка из медицинского учреждения; злоупотребление родительскими правами; жестокое обращение с детьми; хронический алкоголизм или наркоманию; а также совершение умышленного преступления против жизни и здоровья своего ребенка, другого родителя, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против другого члена семьи. Тем не менее, если вникнуть глубже, становится понятно, что самостоятельность данных оснований – не более чем видимость. Все основания так или иначе пересекаются, создавая ненужное повторение в законе.

Например, хронический алкоголизм как медицинский диагноз не представляет собой правонарушение, влекущее за собой санкции в рамках семейного права. Однако, как справедливо отмечает в своих исследованиях Н.С. Шерстнева, наличие данного рода заболевания становится фактором, имеющим непосредственное юридическое значение только тогда, когда оно влечет за собой социальную деградацию родителя и невозможность выполнения им своих родительских обязанностей [11]. Диагноз приобретает юридическое значение лишь в том контексте, если данное поведение приводит к тому, что родитель перестает заботиться о своем ребенке, не обеспечивает его надлежащее питание и лечение, а также зачастую создает прямую угрозу для жизни и здоровья ребенка.

Правовым основанием для лишения родительских прав в данной ситуации является следствие такого поведения – неисполнение

родителем своих обязанностей по воспитанию и содержанию [8]. Исходя из вышесказанного, данное положение о наличии заболевания (алкоголизма или наркомании) может заменяться более обширным суждением об уклонении от выполнения родительских обязанностей. Тем самым мы видим, что действующая формулировка избыточна и содержит дублирующие элементы.

Аналогичная логика применима и к следующему основанию – отказ забрать ребенка из родильного дома или иного медицинского учреждения, образовательной организации, организации социального обслуживания или аналогичных организаций. По своей правовой природе это пассивное поведение, выражающееся в большинстве случаев банальным бездействием родителя по отношению к своему ребенку, что представляет собой отсутствие заботы и нежелание как-либо исполнять свои прямые обязанности. По сути, такое поведение и есть то самое «уклонение от выполнения родительских обязанностей», о котором говорится в первом абзаце ст. 69 СК РФ. Разбивать норму закона на отдельные составы нет смысла: все сводится к одному – к отсутствию реального родительского попечения. Существующая формулировка оснований избыточна, она описывает множество сценариев одной и той же ситуации – социального сиротства при наличии живых родителей. Все это можно и необходимо свести к единому понятию: виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских прав и обязанностей. Это коррелирует с мнением правоведа Ю.Ф. Беспалова, который подчеркивал, что сущность ответственности родителей заключается именно в негативной оценке их поведения по отношению к ребенку, вне зависимости от того, в какой конкретной форме – действия или бездействия – оно выражается [6].

Особое внимание следует уделить такому основанию, как злоупотребление родительскими правами. На практике это основание лишения родительских прав вызывает наибольшее затруднение при квалификации, т. к. оно тесно связано с ненадлежащим воспитанием. Согласно п. 1 ст. 65 СК РФ, родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка [3]. Злоупотребление в данном случае выражается в использовании родителем его прав в ущерб интересам ребенка: например, в препятствовании в получении основного общего образования, в склонении к попрошайничеству или бродяжничеству, в вовлечении в преступную деятельность или в запрете на необходимое медицинское вмешательство. Однако, если глубже проанализировать данную норму, можно прийти к выводу, что использование прав во вред ребенку и является прямым нарушением обязанности воспитывать его и заботиться о его здоровье (ст. 63 СК РФ). Другими словами,

злоупотребление родительскими правами – это лишь очередная форма неисполнения обязательств.

Злостное уклонение от уплаты алиментов, которое законодатель также выделяет как отдельное основание, можно назвать экономическим аспектом неисполнения родительских функций. Обязанность родителя, согласно ст. 63 и 80 СК РФ, сама по себе включает в себя содержание ребенка [8]. Неуплата алиментов же не просто создание гражданско-правового обязательства, это отказ от исполнения обязанности по обеспечению жизнедеятельности и достойного существования несовершеннолетнего. Выделение этого аспекта в отдельный классифицирующий признак является избыточным, т. к. материальное обеспечение – неотъемлемая часть процесса воспитания и заботы.

Также можно проанализировать такое основание, как жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними или покушение на половую неприкосновенность. На первый взгляд, активные насильственные действия представляют собой прямую противоположность пассивному уклонению от исполнения родительских обязательств. Однако закон прямо запрещает причинять вред физическому или психическому здоровью детей, а также их нравственному развитию (п. 1 ст. 65 СК РФ). Следовательно, применение насилия является наиболее опасной формой ненадлежащего исполнения родительских обязанностей. Родитель должен защищать своего ребенка и заботиться о нем, но если ребенок подвергается насилию и жестокому обращению со стороны законных представителей, родитель нарушает предписанную ему законом модель поведения. Данный вывод приводит нас вновь к единому знаменателю виновного неисполнения обязанностей. Как отмечали исследователи, например Е.М. Ворожейкин: разграничение жестокого обращения и ненадлежащего воспитания зачастую носит условный характер, т. к. психическое насилие над ребенком (будь то унижение или оскорбление) является неотъемлемой частью деструктивного воспитательного процесса [7].

Объединение всех вышеуказанных оснований позволяет выделить единые признаки: наличие вины в поведении родителя и прямое противоречие интересам ребенка. В теории семейного права вопрос вины родителя является дискуссионным. Статья 69 СК РФ подразумевает виновное поведение, однако существуют ситуации (тяжелое стечение обстоятельств, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но влияющее на волю и др.), когда грани вины размываются. Тем не менее для лишения родительских прав, в отличие от их ограничения (ст. 73 СК РФ), вина родителя является обязательным элементом для принятия того или иного решения судом.

Действия или бездействие, любое из перечисленных в норме закона, нарушает детско-родительскую связь.

В связи с этим законодателю следует сместить акцент с многозначительного перечисления конкретных проступков на формулирование общего правила: если родитель сознательно выбирает такое поведение, которое угрожает здоровью, психике или нравственному развитию, то лишение его родительских прав представляется уместным и целесообразным.

Анализ правоприменительной практики подтверждает теоретические выводы о единой природе оснований. Обращаясь к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно заметить, что удовлетворяемость исков по делам о лишении родительских прав остается высокой, но мотивировочная часть решений редко базируется на одном основании. Изучение правоприменительной практики позволяет нам наблюдать устойчивую тенденцию к тому, что суды все чаще используют комплексный подход при рассмотрении дел по данной категории семейного права [5].

Обычная и типичная для большинства дел фабула представляет собой совокупность нарушений, где ответчик одновременно уклоняется от уплаты алиментов, не принимает участие в жизни своих детей, злоупотребляет спиртным. Прокурор и органы опеки и попечительства, обязательно участвующие в деле согласно ст. 70 СК РФ, в своих заключениях также ссылаются на общее представление при отстранении родителя от ребенка. Суд оценивает полную совокупность факторов, что доказывает размытость границ между основаниями в правоприменительной практике. Не отдельный проступок влечет за собой лишение родительских прав, а общий антисоциальный образ жизни родителя, обуславливающий невозможность выполнения родительских функций.

Позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении Пленума от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка...», также призывает суды ориентироваться на широкое толкование понятия «уклонение от выполнения обязанностей». В п. 16 данного Постановления Верховный Суд разъясняет, что уклонение может выражаться в отсутствии заботы о нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду.

Фактически высшая судебная инстанция идет по пути, предложенному в данном исследовании: она рассматривает отдельные проступки (например, жестокое обращение с детьми и злоупотребление своими родительскими правами) как элементы единого целого – неисполнения обязанностей. Необходимо давать судам возможность

работать с новыми формами уклонения от родительских обязанностей, которые могут быть не описаны в законе. Если законодательно утвердить концепцию «единого основания», мы устраним существующую путаницу. Главным критерием будет не буквальное совпадение решений суда с основаниями, прописанными в законе, а то, насколько тяжелыми оказались последствия ненадлежащего поведения родителя для ребенка в случае избрания той или иной формы наказания: лишения или ограничения родительских прав.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости переосмысления сложной конструкции нормы ст. 69 Семейного Кодекса Российской Федерации. Установленный перечень оснований обусловлен историческим развитием советского и постсоветского законодательства. На современном этапе развития он является избыточным, создающим лишь видимость разнообразия при фактическом единстве основания. Если свести все к единой формулировке путем объединения разрозненных оснований виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, получится совместить все основания, что позволит сместить акцент правоприменителей с формальных требований на реальную защиту прав и законных интересов ребенка.

Это не только упростит работу судов, но и приведет российское законодательство в полное соответствие с Конвенцией о правах ребенка, которая обращает особое внимание на благополучие несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 05.01.2026)
6. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2 (206). С. 14–16.
7. Ворожейкин Е.М. Вина как субъективное основание ответственности в семейном праве // Советская юстиция. 1970. № 20. С. 14.

8. Нечаева А.М. Семейное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрайт, 2019. 128 с.

9. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Эмпирическая интерпретация в контексте соотношения частных и публичных интересов в семейном праве // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 214–232.

10. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному Кодексу Российской Федерации. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2011.

11. Шерстнева Н.С. Юридическая природа усыновления и его направленность на обеспечение приоритета семейного воспитания детей // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 7–8.

Об авторе:

БЕЛЯЕВ Руслан Камоевич – ассистент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Belyaev.RK@tversu.ru

A conceptual analysis of grounds for termination of parental rights: from multiple grounds to a single criterion for failure to fulfill responsibilities

R.K. Belyaev

Tver State University, Tver

This article analyzes the legal nature of the grounds for deprivation of parental rights enshrined in the Family Code of the Russian Federation. The author questions the traditional dogmatic approach, which assumes the autonomy of each ground, and substantiates the concept of a "single material basis." The study demonstrates that such offenses as malicious evasion of child support payments, child abuse, and chronic alcoholism are not independent legal facts, but rather various forms of culpable failure or improper performance of parental responsibilities.

Keywords: *deprivation of parental rights, state, protection of minors' rights, parental rights, child interests.*

About author:

BELYAEV Ruslan – assistant of the civil law department of the law faculty of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: Belyaev.RK@tversu.ru

Беляев Р.К. Концептуальный анализ оснований лишения родительских прав: от множественности оснований к единому критерию неисполнения обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 227–233.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.